

Книжное обозрение

А. В. Васильев. Николай Иванович Лобачевский. 1792—1856. М.: Наука, 1992. — 221 с.

В 1992 г. математическое сообщество отметило 200-летие со дня рождения Николая Ивановича Лобачевского. В этот юбилейный год вышла в свет книга А. В. Васильева о нашем великом соотечественнике.

Литература о Лобачевском весьма обширна, существует уже несколько его биографий, популярных и научных, среди которых выделяется превосходная книга В. Ф. Кагана «Лобачевский» (М.; Л., 1944), переизданная в 1948 г. И вот перед нами новая книга о гениальном ученом. Новая? Да, новая для читателя, хотя написана она еще в 1927 г. Ее издание в научно-биографической серии Российской академии наук подготовили казанские профессора В. А. Бажанов и А. П. Широков; ответственный редактор — профессор А. П. Юшкевич (Москва). В переживаемое нашей наукой трудное время это издание стало возможным благодаря финансовой поддержке казанского фонда «Интеллект XXI века».

В конце книги помещен очерк В. А. Бажанова и А. П. Юшкевича об А. В. Васильеве. Здесь же, прежде чем говорить о самой книге, надо начать с представления читателю ее автора.

Александр Васильевич Васильев (1853—1929) родился в Казани. Он был сыном известного ориенталиста В. П. Васильева, впоследствии академика, и внуком по матери профессора астрономии И. М. Симонова, соученика, а затем коллеги по университету Н. И. Лобачевского, сменившего последнего на посту ректора.

Окончив гимназию и университет в Петербурге, Васильев вернулся в Казань, где начал научную и педагогическую деятельность в университете. Еще были живы некоторые ученики Лобачевского и люди, лично его знавшие, так что Васильев не только слышал много устных рассказов, но и имел возможность собрать немало материалов об ученом.

Собственные математические исследования Васильева отличались современностью методов, чему во многом способствовали его зарубежные командировки в 1879 и 1882 гг. Он посетил Германию и Францию, где слушал лекции К. Вейерштрасса, Л. Кронекера, Ш. Эрмита, познакомился с Ф. Клейном и другими выдающимися математиками. Васильев написал первую в России работу по теории коннексов Клебша (1878), а в своей магистерской диссертации «О функциях рациональных, аналогичных с функциями двояко-периодическими» (1880) он рассмотрел функции, инвариантные относительно конечных групп дробно-линейных преобразований, подойдя вплотную к изучению автоморфных функций, теория которых была разработана Ф. Клейном и А. Пуанкаре после 1881 г. В 1884 г. Васильев опубликовал докторскую диссертацию «Теория отделения корней систем ал-

гебраических уравнений», в которой изложил и развил метод характеристик Кронекера, применив геометрию многомерных пространств, а также теорию потенциала и интегрирование в этих пространствах.

Немало сделал Васильев и как педагог. Прочитанные и опубликованные им курсы по различным дисциплинам не только отличались ясностью и строгостью изложения, но и отражали как современные ему тенденции развития математики, так и историю рассматриваемых вопросов. Особо следует отметить заслуги Васильева в распространении идей теоретико-группового подхода к решению многих математических проблем. Среди его учеников были ставшие впоследствии известными в России математики А. П. Котельников, Д. М. Синцов, Н. Н. Парфентьев, Н. И. Порфирьев и др.

Организаторские способности Васильева проявились прежде всего в научной области. Он был одним из основателей и первым председателем Казанского физико-математического общества, инициатором издательской деятельности этого общества и проведения международных конкурсов имени Лобачевского. В 1900 г. для привлечения талантливой молодежи к самостоятельным исследованиям Васильев организовал в Казани студенческий математический кружок.

В 1906 г. Васильев покинул Казань и обосновался в Петербурге в связи с избранием его в Первую государственную думу и затем в Государственный совет. Более подробно о гражданской активности А. В. Васильева читатель узнает из статьи А. П. Юшкевича и В. П. Бажанова. Отметим, что эта сторона деятельности Васильева раньше почти не освещалась в литературе.

В Петербурге-Петрограде, кроме непосредственной педагогической работы, Васильев организовал университетский семинар, в котором принимали участие математики, физики и философы. К сожалению, до сих пор не найдено каких-либо материалов об этом семинаре, который посещал и известный философ-математик П. С. Юшкевич, отец А. П. Юшкевича.

В дополнение к написанному авторами биографического очерка надо сказать о роли Васильева в создании в 1921 г. Петроградского физико-математического общества, отметив, что и здесь он был избран первым председателем. Впоследствии его сменил на этом посту Н. М. Гюнтер. В 1923 г. Васильев переехал в Москву, где организовал педагогическую секцию при Московском математическом обществе.

Свидетельством признания заслуг Васильева за рубежом является избрание его вице-президентом IV Международного математического конгресса, проходившего в 1908 г. в Риме. Последней в жизни Васильева международной встречей математиков стал конгресс в Торонто

в 1924 г. На следующий конгресс в Болонье в 1928 г. он уже не смог приехать, хотя был заявлен его доклад «Лобачевский и Чебышев».

Московский период жизни Васильева мало известен и потому почти не отражен в очерке. Не сказано, что он был профессором Московского университета и что принимал участие в работе редакционной комиссии Госиздата по подготовке полного собрания сочинений Лобачевского. Однако авторы очерка сообщили об избрании Васильева в 1929 г. членом-корреспондентом только что созданной Международной академии истории науки, а ведь долгое время это событие в нашей литературе старались не замечать.

А. В. Васильев много сделал для истории науки вообще и для истории отечественной математики в частности. Вспомним его книги «Математика, вып. 1 (1725—1826—1863)» (Пг., 1921), «Целое число» (Пг., 1919 и Пг., 1922); издававшуюся под редакцией его и П. С. Юшкевича серию сборников «Новые идеи в математике»; статьи на французском и немецком языках о жизни и научном творчестве П. Л. Чебышева — учителя Васильева.

Главным делом Васильева стала популяризация идей Лобачевского и привлечение внимания к нему как ученому и гражданину. Как было сказано, Васильев почти всю жизнь собирал материалы о Лобачевском. Он опубликовал, не считая отдельных статей и выступлений, его первую научную биографию (1914). При его участии были изданы два тома геометрических работ Лобачевского (1883 и 1886). В последний — московский — период жизни Васильев закончил работу над предлагаемой читателю книгой о Лобачевском, которая называлась тогда «Жизнь и научное дело Н. И. Лобачевского». (Теперь ее название изменено в соответствии с традициями биографической серии.)

Эта монография долгое время считалась неопубликованной, хотя существовала ее верстка, сохранившаяся, в частности, в библиотеке Московского университета и в кабинете геометрии Казанского университета. (Как указано в статье Лаптева*, объем рукописи — 435 страниц.) В. Ф. Каган во введении к своей книге «Лобачевский» говорит, что сочинение Васильева «было даже набрано, но за смертью автора не появилось в свет» (с. 8), и свидетельствует о существовании нескольких корректурных оттисков, один из которых был в его распоряжении. Авторы биографического очерка, ссылаясь на письмо А. В. Васильева к В. И. Вернадскому от 14 января 1928 г., утверждают, что работа Васильева «издается, но ни один ее экземпляр по неизвестной причине не поступает в продажу» (с. 221), что «затем тираж книги полностью уничтожается» и что «чудом сохранилась лишь корректура книги» (там же). Однако все это не проясняет истинной картины этой почти детективной истории, и можно лишь строить догадки о причинах невыхода книги в свет. Вот одна из них: партийные власти не хотели, чтобы автором книги о гениальном математике был член Думы и Госу-

дарственного совета, чьи философские взгляды были близки идеям Маха, Рассела, Пуанкаре. Конечно, исследование такого рода — задача трудоемкая, которая может и не увенчаться успехом. Но в любом случае надо было бы указать, где взят публикуемый экземпляр корректуры, и дать его описание. К сожалению, этого не было сделано, и потому возникает много вопросов. Например, откуда стало известно об уничтожении тиража, почему издатели сами дали название четвертой главе во второй части?

В значительной мере по инициативе Васильева и под его руководством в 1893 г. в Казани были организованы торжества в честь столетнего юбилея Лобачевского, а затем и конкурсы его имени, что немало способствовало мировому признанию заслуг великого геометра. Да, юбилей отмечался в 1893 г., так как длительное время датой рождения Лобачевского считалось 22 октября (ст. ст.) 1793 г., хотя никаких документальных подтверждений этому не было. В те юбилейные дни и встал вопрос об уточнении биографии ученого. Васильев также принял в этом участие, но прошло довольно много лет, прежде чем в 1929 г. были найдены документы, из которых следовало, что Лобачевский родился 20 ноября (1 декабря по н. ст.) 1792 г.

В ныне изданной книге Васильева указана дата 22 октября 1792 г. и имеется примечание В. А. Бажанова и А. П. Широкова о точной дате. По-видимому, у Васильева был указан все-таки 1793 г., и это надо считать первой опечаткой в книге, если учесть, что она была впервые сверстана в 1927 г. Кроме того, неизвестно, успел ли Васильев при жизни узнать о найденных документах. Впрочем, и позднее, как пишет А. А. Андронов*, еще длительное время многие авторы указывали прежнюю дату, а 150-летний юбилей Лобачевского был отмечен в 1943 г.

Итак, последняя книга А. В. Васильева — это итог его трудов на поприще увековечения памяти Н. И. Лобачевского. Первая ее часть посвящена собственно биографии великого казанского математика. Васильев создает замечательный образ Лобачевского — подвижника науки и гражданина, о многогранной деятельности которого широкой публике мало что известно. Люди, далекие от математики, на вопрос, знают ли они что-нибудь о Лобачевском, как правило, отвечают: «Да. Геометрия Лобачевского». Конечно, именно научный подвиг сделал его имя бессмертным. Талант личности оценить труднее и тем более трудно сохранить в памяти потомков.

Автор книги рассказывает о детских и юношеских годах героя своего повествования, о его многообразной педагогической работе, в том числе и об организации преподавания в гимназиях. Рассказывает Васильев и о многотрудной деятельности Лобачевского на посту ректора университета, когда, помимо занятий обычными ректорскими делами, он выполнял обязанности библиотекаря, строителя и в какой-то мере архитектора обсерваторий и университетского здания; о его издательской и даже сельскохозяйственной деятельности. Организаторский талант Лобачевского осо-

* Лаптев Б. Л. Математика в Казанском университете. Казанское физико-математическое общество // История отечественной математики. Киев, 1967. Т. 2. С. 508—517.

* Андронов А. А. Где и когда родился Н. И. Лобачевский // Ист.-мат. исслед. М., 1956. Вып. 9. С. 9—48.

бенно ярко проявлялся в дни тяжелых испытаний, когда свирепствовали пожары или эпидемия холеры. Все это написано с большой любовью к Лобачевскому, и столь же выпукло обрисован фон событий тех давно ушедших лет.

Описывая жизнь Лобачевского, Васильев подчеркивает главные черты его характера: честность, чувство долга и ответственности перед людьми и перед отчизной. «Все, за что брался Лобачевский, все делалось им с глубоким убеждением в пользу дела, и потому он не делал различия между главным и второстепенным, между крупным и мелким и не боялся труда, не жалел своего времени», — говорит Васильев (с. 69). Именно теперь, когда книга наконец обрела своего читателя, хочется спросить: «А есть ли сейчас подобные герои?»

Жизнь великого мыслителя не кончается его смертью, и потому вторая часть книги Васильева — это рассказ о научном и духовном наследии Лобачевского, и рассказ этот начинается с главного для Лобачевского дела — с геометрии. Ему предшествует краткий, но обстоятельный очерк истории пятого постулата Евклида от античности до XIX в. Затем автор излагает суть геометрии Лобачевского и пишет о тщетных попытках казанского геометра убедить современников в своей правоте. Отметим, что В. Ф. Каган в своей книге отвел значительно больше места истории вопроса и столь подробно изложил начала неевклидовой геометрии, что его книга может служить первым пособием для желающих изучить эту область математики. Васильев, видимо, не ставил перед собой такой задачи, и поэтому не вдаваясь в подробности, без чертежей, на нескольких страницах он показывает главное в открытии Лобачевского и делает это вполне компетентно.

Не претендует на подробное освещение и история неевклидовой геометрии после Лобачевского. Впрочем, глава «Путь признания идей Лобачевского» доведена хронологически до 1897 г., когда состоялось первое присуждение премии имени великого геометра Софусу Ли. Апофеозом же Васильев считает юбилейные торжества в Казани в 1893 г.

В связи с известной истиной о трудности признания новых оригинальных идей я позволю себе привести пример, относящийся к той же эпохе. В 1895 г. А. М. Ляпунов в статье, посвященной памяти П. Л. Чебышева*, писал: «...почитатели весьма отвлеченных идей Римана все более и более углубляются в функционально-теоретические исследования и в псевдогеометрические изыскания в пространствах четырех и большего числа измерений и в этих изысканиях заходят иногда так далеко, что теряется всякая возможность видеть их значение по отношению к каким-либо приложениям не только в настоящем, но и в будущем», а к словам «в пространствах четырех и большего числа измерений» сделал сноску, явно имевшую характер отклика на юбилейные торжества в Казани: «Эти изыскания в последнее время нередко ставились в связь с глубокими геометри-

ческими исследованиями Н. И. Лобачевского, с которыми, однако, они ничего не имеют общего. Великий геометр, подобно П. Л. Чебышеву, оставался всегда на реальной почве и в этих изысканиях трансцендентального характера едва ли мог увидеть развитие своих идей» (с. 19—20).

Итак, барьер пятого постулата был пройден, но возникли новые. Справедливости ради надо сказать, что Ляпунов позже, видимо, несколько изменил свою точку зрения, если судить по словам из представления в иностранные члены-корреспонденты Петербургской академии наук В. Вольтерра, подписанного Н. Я. Сониным и А. М. Ляпуновым, где дана высокая оценка трудов итальянского ученого, который «...ввел в науку очень важное понятие — „функцию от линии“ в обыкновенном пространстве и вскоре обобщил его на функции геометрических образов в многомерном пространстве»*.

Как видим, вопрос о признании Лобачевского и в конце XIX в. в России стоял довольно остро. Вот что сказал в 1882 г. в своем докладе, посвященном памяти Лобачевского, известный педагог-математик И. П. Александров**: «...у нас, русских, русские ученые находятся в более неизвестном и полузабытом состоянии, чем у какого-либо народа Западной Европы; мы как будто нарочно часто не обращаем внимания на заслуги наших ученых и тем умалняем наши собственные народные заслуги» (с. 227).

Однако не только геометрий занимался Лобачевский, и именно Васильев первым оценил его труд «Алгебра, или вычисление конечных», проанализировав в связи с этим алгебраические тетради Лобачевского, а также привлек внимание к его работам по анализу и по обоснованию фундаментальных понятий алгебры и анализа. Предвидя развитие идей дифференциальной неевклидовой геометрии, Васильев справедливо предположил, что приложения этой теории могут оказаться весьма плодотворными.

Сопоставляя эту главу книги Васильева с соответствующей главой книги Кагана, заметим, что автор последней, не претендуя на полноту исследования, ограничился изложением разбора «Алгебры», выполненного Н. Г. Чеботаревым, и отметил, что этот круг интересов Лобачевского еще ждет своих исследователей. Ни у того, ни у другого автора не сказано ни о предложенных Лобачевским признаке сходимости положительных рядов и методе вычисления всех корней многочлена, ни об определении понятия функции, ни об удобной для применения формуле из теории случайных ошибок и т. д. Не будем судить за то, чего нет, тем более что соответствующие исследования появились только в 50-х гг. нашего столетия (Б. В. Гнеденко, Г. Л. Лунц, Ф. А. Медведев, И. Г. Башмакова, А. П. Юшкевич и др.) и, видимо, будут продолжаться. Нет до сих пор единой точки зрения на трактовку понятия функции Лобачевским и Дирихле: современные ученые, чи-

* Санкт-Петербургское отделение АРАН, ф. 1, оп. 1а, 1908 г., д. 155, л. 250 об.

** Цит. по: Гайдук Ю. М. Дополнительные материалы к истории распространения идей Н. И. Лобачевского в России // Ист.-мат. исслед. М., 1956. Вып. 9. С. 215—246.

* Ляпунов А. М. Пафнутий Львович Чебышев // Чебышев П. Л. Избр. матем. тр. М.: Л., 1946. С. 9—21.

тая труды своих предшественников, иногда склонны приписывать им свое понимание того или иного математического понятия или факта.

Нам важно все, что написано крупными математиками, и потому Васильев уделяет также внимание занятиям Лобачевского механикой, физикой и астрономией. Естествознание интересовало Лобачевского не только по долгу службы, а нас, в свою очередь, интересует и сам подход Лобачевского к учению о природе в ее единстве и разнообразии.

Подводя итог многогранной научной деятельности Лобачевского, Васильев показывает, что девизом создателя неевклидовой геометрии были слова «строгость и ясность», и потому в заключительной главе «Лобачевский как мыслитель» он ставит своей задачей «собрать и по возможности систематизировать» (с. 201) разбросанные в его рукописях и публикациях замечания, которые помогли бы нам понять мировоззрение ученого.

Васильев прослеживает взгляды Лобачевского на пространство, исходя из его обоснования понятий основных геометрических объектов и отмечая новаторскую для того времени постановку вопроса о связи геометрических понятий со свойствами движения. Изучая наследие Лобачевского, он приходит к выводу об отрицательном отношении геометра к философии Канта. Выясняя точку зрения Лобачевского на теорию познания и роль опыта в геометрии, Васильев сравнивает ее со взглядами на это Гаусса, Бойяи и Римана.

От требования строгости доказательства Лобачевский не мог не перейти к вопросу о природе рассуждений, т. е. к логике. Это Васильев высказывает и обосновывает, анализируя найденные им в библиотеке Казанского университета записи Лобачевского «Начальные основания логики».

В этой главе Васильев также делает попытку реконструкции мировоззрения Лобачевского, а также анализа его отношения к современным ему философским школам. Показав эволюцию взглядов ученого на ряд философских проблем, Васильев выявляет круг лиц, чьи идеи могли оказать влияние на мировоззрение Лобачевского. Все это Васильев делает очень осторожно, без нажима, понимая всю сложность выводов при столь малом источнике сведений.

В 50-е гг. появились статьи, в которых «в лучших традициях» того времени восхвалялись материалистическое мировоззрение Лобачевского, его борьба против идеализма Канта и формализма, а также громилась зарубежные философы и историки математики за их «идеалистические измышления». Все это объявлялось вполне актуальным «в то время, когда в буржуазной науке пыльным цветом расцветает формализм» (с. 29). Мало того, требовалось «обратить его передовые идеи в орудие борьбы против „математического“ идеализма, формализма и схоластики, все более и более агрессивно овладевающих математикой в странах разлагающегося капитализма» (с. 31).

* Рыбкин Г. Ф. Материализм — основная черта мировоззрения Н. И. Лобачевского // Ист.-мат. исслед. М., 1950. Вып. 3. С. 9—29.

** Яновская С. Я. О мировоззрении Н. И. Лобачевского // Ист.-мат. исслед. М., 1950. Вып. 3. С. 30—75.

Сейчас появляется тенденция к другой крайности, которую схематично можно выразить так: Лобачевский — глубоко религиозный человек и материалистом отнюдь не был. Тем важнее иметь образец тактичного и умного обращения со столь точными вопросами, какой дает нам Васильев.

Кроме основного, в книге Васильева имеется и дополнительный текст: каждая глава снабжена авторскими примечаниями. Они часто обширны, содержат ценный справочный материал и интересны сами по себе. Издатели добавили к тексту Васильева сноски со своими уточняющими примечаниями, переводом иностранного текста (правда, иногда не очень точным) и отсылками к литературе. В конце первой части книги Васильев дал приложения, которые содержат некоторые архивные материалы о педагогической деятельности Лобачевского, воспоминания о нем П. М. Коринфского (сына казанского архитектора М. П. Коринфского) и надгробную речь профессора Н. Н. Булича.

Особенностью языка Васильева является использование вышедших ныне из употребления слов, оборотов речи, но все это имеет свою прелесть, так как переносит нас в XIX в., и кажется, что книга написана чуть ли не современником Лобачевского. Впрочем, от привычек избавиться трудно; например, Н. Н. Лузин в 30-х гг. XX в. писал иногда письма в старой орфографии. Фамилии также даны в прежнем написании: Болиаи и Римани, и потому, когда мы вдруг встречаем фамилию Римана с одним «н» (с. 118), это, видимо, опечатка.

К сожалению, опечаток и в иностранных словах (преимущественно немецких), и в русских великое множество; есть даже пропуск по крайней мере одной строки (с. 37). Много ошибок в датах. Если, например, вместо 1929 г. напечатано 1829 г. (с. 225), то по смыслу истинную дату определить несложно, но пропадает доверие к остальным датам: вдруг там опечатка в последних двух цифрах?

Это стало теперь, увы, типично для многих наших изданий. Возникает естественный вопрос: что же делает штатный корректор, фамилия которого указывается в выпускных данных? В рассматриваемом случае это корректор Л. М. Сахарова.

Что касается дат, то не все здесь зависит от корректора. В рецензируемой книге годы жизни А. В. Васильева даны верно, но день рождения пересчитан на новый стиль неправильно: 4 вместо 5 августа. Надо заметить, что в различных биографических справочниках дни рождения и смерти Васильева указаны по-разному: 2.07.1853 — 6.10.1929 — у А. И. Бородин и А. С. Бугая; 5.08.1853 — 9.10.1929 — у А. Н. Боголюбова и 20.06.1853 — 6.10.1929 — в Математическом энциклопедическом словаре. У автора биографического очерка эти даты таковы: 24.07.1853 — 6.11.1929. (Дни рождения везде приведены мною по старому стилю.) Если эти последние даты верны, то следовало бы это отметить, назвав источник информации.

И еще об одном недосмотре издателей. На с. 226 сказано, что «А. В. Васильев является членом Санкт-Петербургской Государственной Думы», тогда как эта Дума была городской, а не государственной.

Несмотря на эти досадные мелочи (или все-таки не такие уж и мелочи?), главное в том, что читатель получил прекрасную книгу, написанную умным, интеллигентным и очень эрудированным автором. И хотя ее тираж для нашей страны невелик — 3950 экз., надеюсь, что благодарных читателей у нее будет больше.

После книг А. В. Васильева и В. Ф. Кагана были написаны и другие научные биографии Лобачевского. Одна из них принадлежит перу казанского геометра и историка математики Бориса Лукича Лаптева* (1905—1989) и предназначена для школьников. Популярность изложения и небольшой объем (112 страниц) не

* Лаптев Б. Л. Н. И. Лобачевский и его геометрия. М., 1976.

помешали автору отразить в книге новые архивные данные и новые исследования творчества Лобачевского, в том числе и свои собственные. Юный читатель знакомится по этой книге и с современными приложениями геометрии Лобачевского к математике и физике, включая теорию относительности.

Вероятно, со временем появятся другие научные биографии Лобачевского, где по-новому будет дано освещение его работ с учетом дальнейшего развития науки. Это дело будущего, а сейчас хочется поблагодарить издателей за их труд и энергию при подготовке к печати замечательной книги А. В. Васильева и вспомнить знаменитые булгаковские слова: «Рукописи не горят!»

Н. С. Ермолаева (Санкт-Петербург)

Б. А. Каржавин. Тайна гибели линкора «Новороссийск»: Документально-историческая хроника. СПб.: Политехника, 1991. — 271 с.

Наконец-то вышла книга, потребность в которой давно назрела. Можно ожидать, что ее читателями будут военные и гражданские моряки, кораблестроители, родственники моряков, погибших при описываемой в книге катастрофе, жители приморских городов и все, кому дороги история и судьба российского флота. В их числе окажутся также специалисты, занимающиеся предотвращением чрезвычайных ситуаций.

Книга Б. А. Каржавина «Тайна гибели линкора „Новороссийск“» посвящена одной из самых крупных катастроф XX в. Как известно, в ночь с 28 на 29 октября 1955 г. взрыв огромной силы и таинственного происхождения нанес тяжелые повреждения стоявшему на якоре в Севастопольской бухте линейному кораблю «Новороссийск». Развернувшаяся после взрыва борьба экипажа и подоспевших с других кораблей эскадры аварийно-спасательных партий за непотопляемость линкора успехом не увенчалась, и примерно через три часа после взрыва корабль опрокинулся и постепенно затонул. Погибло свыше 600 моряков, был нанесен большой моральный и материальный ущерб. Осталось много недоуменных вопросов, прояснить которые необходимо не только для понимания происшедшего, но и для исследования причин и обстоятельств катастрофы с целью получения практических выводов, исключающих повторение аналогичных ситуаций в будущем. Именно эту задачу всестороннего исследования катастрофы «Новороссийска» поставил перед собой автор книги и блестяще ее решил*.

Сложность изучения истории гибели «Новороссийска» обусловлена рядом сопутствующих исклю-

чительных обстоятельств, каковыми являются: полная неожиданность и тайна происхождения взрыва, не прояснившаяся за истекшие десятилетия; очень тяжелые последствия катастрофы; секретность информации, полученной в результате работы Правительственной комиссии, проводившей расследование; длительный срок, в течение которого эта секретность сохранялась.

В книге описаны: история и устройство итальянского линкора «Джулио Чезаре», переданного впоследствии СССР и получившего имя «Новороссийск»; обстановка на Главной базе Черноморского флота накануне катастрофы; подробности взрыва, последствия и гипотезы о его возможной природе; поведение участников событий в зоне бедствия после взрыва и развитие катастрофы вплоть до гибели корабля. Кроме того, в ней рассказано о работе и выводах Правительственной комиссии, расследовавшей причины и обстоятельства катастрофы; морских и подводных диверсантах, в основном итальянских под командованием Боргезе.

В книгу включены мемориальная часть с полным списком погибших, а также материалы о воздании им почестей и увековечении их памяти.

Подзаголовок книги не случаен, поскольку написана она на основе документов, к которым относятся: документация корабля; сейсмограммы взрыва, зафиксированные Крымской сейсмической станцией, а также сейсмограммы экспериментальных взрывов, проводившихся экспертными комиссиями по поручению Правительственной комиссии и их заключения; протоколы опроса участников события; показания моряков с соседних кораблей эскадры; другие архивные документы (докладные записки, рапорты и т. п.).

Несмотря на то, что все документы, относящиеся к «Новороссийску», были строго засекречены, автору все же удалось добиться допуска к этим материалам. Однако его роль не ограничилась тем, что, изрядно потрудившись в архивах, он сделал доступной для читателя ранее закрытую информацию. Сведя ее воедино из различных источников, автор придал ей иное качество, поскольку сопоставление данных позволило по-новому увидеть события и сделать вы-

* Было бы неправильным полагать, что о «Новороссийске» все эти годы ничего не знали и ничего не писали. Общественный интерес к гибели «Новороссийска» был всегда, проявляясь в форме изустной информации, а в последние годы появились и публикации. Здесь в первую очередь следует отметить труды Н. Н. Черкашина (См., например, статьи «Взрыв» и «Взрыв и его эхо» в газете «Правда» № 135 от 14 мая 1988 г. и № 201 от июля 1988 г.), которые положили конец замалчиванию истории «Новороссийска», но книги, подобной обсуждаемой, еще не было.

воды, не содержащиеся в документах. Таким, на наш взгляд, является вывод об отсутствии наблюдения за обстановкой в Севастопольской бухте в течение почти суток непосредственно перед взрывом: ворота боносетевого заграждения были открыты, шумопеленгаторная станция не работала, гидроакустическое наблюдение с кораблей не велось. Запись в вахтенном журнале дозорного корабля об отсутствии в Черном море иностранных кораблей оказалась не соответствующей действительности: иностранные корабли в день катастрофы в Черном море были, в том числе итальянские, которые в это время шли полным ходом к Босфору (с. 32).

Говоря современным языком, катастрофа «Новороссийска» является чрезвычайной ситуацией (ЧС), в которой выделяют экстремальное событие, порождающее ЧС, и его последствия. В случае с «Новороссийском» экстремальным событием был тот самый таинственный взрыв, причина которого так и не выяснена до сих пор*.

Отдавая дань уважения выводам Правительственной комиссии, остановившейся, хотя и с оговорками, на версии подрыва донной неконтактной мины, оставшейся со времен войны и потревоженной при постановке корабля на якорь и бочку, автор не скрывает своего скептического к ней отношения. Уж больно много натяжек: и сейсмограмма взрыва не согласуется с сейсмограммами экспериментальных взрывов, имитирующих взрыв донной мины; и опыт линкора «Севастополь», до этого более ста раз швартовавшегося на эти же самые линкоровские бочки; и чересчур узкая, не свойственная донным минам направленность взрыва, пробившего, как из пушки, вертикально вверх днище и все четыре палубы линкора и убившего более двухсот моряков, но не вызвавшего даже малой боковой волны!

В книге не случайно подробно описывается состояние техники и вооружения итальянских морских и подводных диверсантов, а также накопленный ими опыт их боевого применения, относящийся к описываемому периоду времени. Изучение этих материалов убеждает в полнейшей реальности итальянской диверсии против линкора «Новороссийск» со стороны итальянских диверсантов, хотя вещественных доказательств этому нет, кроме, правда, самого взрыва! Представляется, что если бы исследование происхождения взрыва проводили специалисты, более привычные к косвенным заключениям без непосредственных вещественных доказательств, но с логическими обоснованиями, например астрономы или физики-ядерщики, то вывод о происхождении взрыва был бы определенно сделан в пользу диверсии. Тем более что условия охраны водного района Главной базы накануне катастрофы в высшей мере этому благоприятствовали.

В конце концов, версия взрыва донной мины тоже является не более чем гипотезой. Но

при проверке двух конкурирующих гипотез — взрыва донной мины и диверсии — интуитивно более предпочтительна вторая.

Кроме того, обсуждая происхождение взрыва и вывод Правительственной комиссии о донной мине, автор не учитывает фактор времени. А ведь вполне может быть, что принятие комиссией версии о донной мине было продиктовано стремлением обеспечить безопасность без вины виноватых людей, которые в обстановке тех лет были бы обвинены и жестоко наказаны, если бы была принята гипотеза диверсии.

Что касается последствий взрыва и борьбы с ними, то здесь автору удалось достичь полной ясности. Последствия взрыва можно подразделить на две группы: непосредственные последствия, к которым относятся повреждения корабля и жертвы среди личного состава, вызванные взрывом; окончательные последствия, которые возникли в ходе развития катастрофы.

В случае с «Новороссийском» окончательные последствия — это опрокидывание и потопление корабля, из-за чего количество жертв возросло до 611 человек.

Окончательные последствия связаны с действиями людей, осуществляющих мероприятия по ограничению и ликвидации последствий ЧС. В данном случае гибель корабля и огромные дополнительные жертвы не были фатальным следствием взрыва, а явились результатом неправильных действий командиров различных рангов, руководивших спасательными действиями.

Непосредственные последствия автор не анализирует и не обсуждает, принимая их как данность. Это естественно, поскольку взрыв внешний, и в этом смысле он аналогичен стихийному бедствию: здесь ничего нельзя было изменить, поэтому исследования сводятся к рассмотрению процессов перехода непосредственных последствий взрыва в окончательные.

Чтобы описать, а тем более проанализировать ситуацию, в которой оказался «Новороссийск» после взрыва, и ее дальнейшее развитие, необходимо иметь в виду два фактора: объективно существующие обстоятельства, которые определяют возможное оптимальное поведение людей в зоне бедствия и соответствующий ему наилучший возможный результат; действительное поведение людей, принимающих и реализующих решения по ограничению и ликвидации последствий взрыва.

Результат действительного поведения известен: это окончательные последствия. Действительное поведение может отличаться от оптимального как отсутствием отдельных действий, способствующих улучшению ситуации, так и включением дополнительных действий, имеющих негативные последствия.

Объективно существующие обстоятельства охватывают большое количество всевозможных недостатков технического, организационного, квалификационного и иного характера, ухудшающих тактико-технические характеристики корабля или затрудняющих его нормальную эксплуатацию. К ним относятся: конструктивные дефекты, обусловленные неудачными конструкторскими решениями, принятыми при проектировании, и заложенные в корабль при его постройке и модернизации; эксплуатационные дефекты, обусловленные неудачными техни-

* Впрочем, здесь требуется уточнение. На первом этапе анализа причины взрыва считали сам линкор. Были выдвинуты версии подрыва боезапаса корабля и цистерн с бензином, якобы находившихся на борту. Но выводы Правительственной комиссии однозначно говорят о том, что взрыв был внешним по отношению к линкору, что очень важно. В остальном успехи комиссии в определении природы взрыва были скромнее.

ческими и организационными решениями на этапе эксплуатации.

В числе конструктивных дефектов отмечены, например, такие: слабые водонепроницаемые переборки, не выдержавшие давления воды при затоплении отсеков; суррогатные уплотнители дверей и люков, не обеспечившие их герметичность (часть дверей и люков вообще не имела уплотнителей); большое количество иллюминаторов в нижнем ярусе, находившихся от водной поверхности на расстоянии 1 м в носовой части и 0,6 м в кормовой.

Кроме того, на корабле был построен монорельс для погрузки боезапаса, пересекавший все главные водонепроницаемые переборки через специальные горловины, для герметизации которых были предусмотрены специальные крышки, однако в нужный момент их на месте не оказалось, и доступ воде был открыт*.

С эксплуатационными дефектами дело обстоит сложнее, поскольку и состав разнообразнее. Одна часть эксплуатационных дефектов связана с ухудшением конструкции корабля: отсутствие крышек горловин монорельса; установка корабельной АТС в водонепроницаемой переборке, для чего был вырезан лаз, нарушивший ее герметичность; неисправность некоторого оборудования корабля, что обнаружилось уже в период катастрофы, когда это оборудование пытались использовать.

Другая часть эксплуатационных дефектов носит организационный характер и в настоящее время обычно дефектом не считается. На самом деле они лишь к конструкции не относятся. Автор бесконечно прав, указывая на них как на потенциальные причины негативных последствий экстремального события. Так, он ссылается на докладную записку, составленную еще до катастрофы командиром БЧ-5 (электро-механическая часть) линкора И. И. Резниковым: «На протяжении всех лет текучесть личного состава и офицеров была очень большая. Пример: за 1954 и 1955 годы сменилось 3 командира дивизиона движения и два командира дивизиона живучести» (с. 40). Кроме того, не все офицеры хорошо знали устройство корабля. Впоследствии председатель комиссии В. А. Малышев отметил, что отозванный из очередного отпуска командир «Новороссийска» А. П. Кухта оказался первым офицером, правильно понимавшим суть поведения корабля после взрыва (с. 78). А исполнявшего обязанности командира корабля Г. А. Хуршудова В. А. Малышев прямо обвинил в незнании устройства корабля: «Вы не знаете, что такое цитадель!»

Дело в том, что цитадель — значительный объем внутри корабля с повышенной герметичностью — являлась характерной конструктивной особенностью «Новороссийска», определившей его поведение после взрыва, что было неизвестно и непонятно многим офицерам. Справедливости ради надо отметить, что командиры, руководившие работами на посту энергетики и живучести, судя по всему, это прекрасно понимали, но они погибли. Взрыв прошел рядом с цитаделью, не повредив ее. Поэтому вода, поступая внутрь корабля, распространялась выше

цитадели, постепенно превращая его в ваньку-встаньку, поставленного на голову. По мере увеличения количества воды внутри корабля центр его тяжести поднимался все выше и выше, что в конце концов привело к опрокидыванию судна.

Неудовлетворительным было состояние эксплуатационной документации. Во-первых, часть документов, составленных на итальянском языке, так и не была переведена на русский язык. Во-вторых, на боевых постах не было всей необходимой для работы документации: одни документы хранились в секретном отделе линкора, другие находились в каютах офицеров.

Следующий дефект касается уже не корабля, а места его стоянки. Именно на том основании, что корабль стоял там, где глубина, как считалось, не позволит ему опрокинуться, его не отвели ближе к берегу на меньшую глубину. К тому же под кораблем был не твердый грунт, а многометровый слой жидкого ила, поэтому при опрокидывании мачты провернулись. (О характере дна в Севастопольской бухте знали с 1948 г., просто это не было известно командованию.)

Имела место и недисциплинированность личного состава корабля. Так, большинство иллюминаторов в матросских кубриках и офицерских каютах оказались открытыми (с. 13).

Наконец, на судьбе корабля и количестве жертв сказалась существовавшая на флоте система отношений, близкая к террору. В разговоре председателя комиссии В. А. Малышева с членом военного совета Черноморского флота вице-адмиралом Н. М. Кулаковым речь шла о том, почему не была эвакуирована примерно тысяча человек личного состава, не занятого на аварийно-спасательных работах и ожидавшего своей участи на верхней палубе. Четверть из них потом погибла. Как объяснил Кулаков, попытка сказать вслух командующему о грозящей опасности была бы истолкована как трусость и жестоко наказана.

Автор далее пишет об одном из героев эпопеи: «...Матусевич прекрасно понимал, что будет застрелен или подвергнется оскорблениям в присутствии матросов, если скажет [об опасности], а потому предпочел пойти умереть в посту живучести» (с. 165).

Таким образом, выявляя и описывая дефекты «Новороссийска», автор дает полную картину того состояния, в котором находился линкор к моменту взрыва и в период катастрофы. С этого времени определяющим стало действительное поведение людей в зоне бедствия, принимавших и реализовавших решения по ликвидации последствий взрыва.

Автор четко разграничивает роль личного состава и роль командования, присутствовавшего на корабле в период катастрофы. Он неоднократно отмечает примерное поведение личного состава, в частности, отсутствие паники, что с учетом наличия на борту около 2000 человек, экстремальной обстановки после взрыва, ночного времени, бедственного положения корабля (погружение носа, крен) и общей неразберихи, было признаком высокого уровня его морального состояния. Но, как сказано в докладе Правительственной комиссии, «все усилия личного состава были обесценены и сведены на нет преступно легкомысленным, неквалифицированным и нерешительным командованием» (с. 48).

* Непорядок с хранением крышек монорельса — это уже эксплуатационный дефект.

Особенно тяжелое впечатление производят страницы, где речь идет о неразберихе с командованием корабля. В ту трагическую ночь командир корабля находился в очередном отпуске, врио командира был в увольнении на берегу, а за командира корабля оставался его помощник. После взрыва на корабль прибыло много офицеров штаба эскадры и семь адмиралов, в том числе командующий Черноморским флотом В. А. Пархоменко, который тут же начал отдавать распоряжения, не беря, однако, командование кораблем на себя. Более того, он приказал врио командира эскадры Н. И. Никольскому взять на себя командование кораблем. В результате вместе с вернувшимся из увольнения врио командира корабля оказалось четыре командира, каждый из которых независимо от других отдавал распоряжения на своем участке, не беря на себя командование кораблем. Позже председатель комиссии В. А. Малышев тщетно добивался от «командиров» ответа на вопрос, почему никто из них не объявил о вступлении в должность командира, но ответы были невразумительными.

Мы сейчас понимаем, ознакомившись с содержанием диалога председателя комиссии с членом военного совета флота Н. М. Кулаковым, что перспектива быть расстрелянным за правдивый доклад о состоянии дел не способствовала добровольному вступлению в должность.

Полнейшую беспомощность и недееспособность проявил штаб флота. Помимо распространения домыслов о причинах взрыва, которые связывались, по слухам, с боезапасом и бензином, штаб недооценил всей опасности ситуации, а объявил готовность номер один только аварийной и медицинской службам, оповестив лишь некоторых начальствующих лиц (с. 84).

Отмечалось плохое использование аварийно-спасательных партий с других кораблей. Их никто не встречал, они сами искали себе работу (с. 80).

Таким образом, анализ обстоятельств катастрофы и поведения ее участников представляется исчерпывающе полным.

Книга хорошо иллюстрирована. Кроме фотографий внешнего вида корабля и района его гибели, схем устройства корабля после его постройки и модернизации, размещения кораблей эскадры в Севастопольской бухте в ночь катастрофы и повреждений, полученных кораблем в результате взрыва, опубликованы портреты героев-моряков, погибших при исполнении воинского долга, а также снимки памятников и сцен воздаяния почестей погибшим — всего более 80 иллюстраций. Полный поименный список погибших моряков с «Новороссийска» и других кораблей дополнен сведениями о месте призыва и

прохождения службы. К сожалению, иллюстрации не упорядочены, фотографии не пронумерованы, что затрудняет пользование ими.

Книга не лишена и других недостатков. Прежде всего необходимо выразить недоумение тем фактом, что автор ищет причины некомпетентности исполнявшего обязанности командира корабля Г. А. Хуршудова в его продолжительной службе на Краснознаменной Амурской военной флотилии (КАВФ). Впечатление такое, что это выражение какой-то личной антипатии, хотя причины, конечно, другие.

Не ясна из книги роль крейсера «Дзержинский»: при перечислении кораблей, приславших на «Новороссийск» свои аварийно-спасательные партии, он не упомянут (с. 75), на схеме размещения кораблей эскадры на внутреннем рейде Севастопольской бухты во время катастрофы он не указан (с. 45), не фигурируют моряки с «Дзержинского» и в материалах Правительственной комиссии, зато в списках погибших при катастрофе линкора их фамилии указаны (с. 274). Есть и другие неточности и разночтения.

Много замечаний можно сделать о содержании Военно-морского словаря, приведенного в конце книги. В основном они связаны с отсутствием расшифровок аббревиатур типов кораблей и пояснений некоторых терминов — а ведь книга рассчитана на широкий круг читателей.

Последние годы ознаменовались авариями, невиданными по масштабам последствий. Это прежде всего авария на Чернобыльской АЭС, последствия которой сказываются до сих пор, а возможное количество пострадавших, по оценкам некоторых экспертов, может составить 200 млн. человек. Это гибель без видимых причин теплохода «Михаил Лермонтов» и парохода «Адмирал Нахимов», унесшая более 400 жизней. Это катастрофа атомной подводной лодки «Комсомолец». Это одновременное крушение двух пассажирских поездов от взрыва неисправного нефтепродуктопровода под Уфой и многое другое.

Общество уже осознает эту опасность и принимает меры по борьбе с ней. Но для разработки эффективных мер безопасности важное значение имеет правильное понимание причин и хода каждой ЧС, тем более что в настоящее время отсутствует какая-либо теория, позволяющая их прогнозировать.

Многие ошибки, повторившиеся линкор «Новороссийск», повторились спустя 34 года в случае с пароходом «Адмирал Нахимов». Автор горестно замечает: «Предыдущие ошибки нас ничему не научили, потому что мы о них просто не знали» (с. 17).

А. М. Баяк

Памятники науки и техники. 1990 / Отв. ред. Н. К. Гаврюшин. М.: Наука, 1992. — 288 с.

В очередном выпуске ежегодника «Памятники науки и техники. 1990» получили дальнейшее развитие проблемы, обращение к которым стало уже доброй традицией для серии, успешно стартовавшей в 1981 г. Внимательное прочтение опубликованных материалов не оставляет сомнений в том, что перед нами тщательно продуманная, добротная работа, обладающая рядом несомненных и значимых достоинств.

Одно из достоинств издания — его логическая целостность и завершенность. Это обусловлено исходной методологической концепцией, предусматривающей синтез теоретического и описательно-феноменологического исследований уровней.

Постановочно-концептуальной является статья В. Л. Гвоздецкого «История техники и проблемы развития технических музеев», которая представляет собой своеобразный системообра-

зующий каркас, позволяющий идейно объединить как тематические блоки, так и отдельные статьи данного ежегодника. В. Л. Гвоздецкий развивает плодотворную мысль о едином для истории техники и музейного дела научно-исследовательском пространстве, его границах и содержательном наполнении. Констатируя существующее различие в целеполагании истории техники как науки (получение новых знаний) и технического музея (выявление, хранение и демонстрация экспонатов), автор сосредоточивает внимание на едином объекте деятельности двух сопредельных сфер изысканий. Этим объектом в самом широком его толковании является техника, которая в контексте музейной работы предстает как совокупность памятников. В статье на конкретном фактическом материале исследуется этимология термина «памятник», его соотносимость с понятием «источник», анализируются этапы становления и развития поиска и выявления памятников. Достаточно подробно автор рассматривает концепции музеев истории техники, некоторые аспекты научно-исследовательской и просветительно-педагогической деятельности, а также экспозиционной работы. Вопросы о границах и степени взаимодействия истории техники и музейного дела освещаются на основе анализа деятельности двух головных научных подразделений: Института истории естествознания и техники РАН и Политехнического музея.

Разделу «Общие вопросы», в рамках которого и опубликована данная статья Гвоздецкого, можно рассматривать как своего рода научный камертон, определяющий содержание и направленность остальных разделов ежегодника: «Научные приборы и инструменты», «Памятники техники», «Изобразительные памятники», «Письменные памятники», «Памятные места», «Музеи науки и техники», «Информационный раздел». Необходимо отметить, что такая подборка рубрик не случайна, а находится в соответствии с уже сложившейся типологией памятников и полностью согласуется с построением предшествующих выпусков.

Большинство разделов включает в себя несколько статей, посвященных, как правило, вопросам мало или совсем не исследованным в историко-научной и историко-технической литературе. Так, в разделе «Памятники техники» помещены такие оригинальные работы, как «Памятники Ладожского канала» М. А. Штановой и «Здания петербургских газгольдеров» С. Г. Федорова, в разделе «Изобразительные памятники» — «Старейший печатный атлас в картографическом фонде Библиотеки АН СССР» О. Ф. Демьяниной и Г. Н. Утина и «Начальный этап развития отечественной авиации в фалеристическом материале (значках)» И. И. Ивашечкина, а из публикаций о музеях выделяются статьи Г. Ф. Анастасенко «Архиепископ Нил Исакович и его минералогическая коллекция» и Т. Ю. Грамматикова и Р. В. Кузнецовой «Хижина лесника» о дом-музее И. В. Курчатова.

Составители ежегодника сумели выявить и привлечь к сотрудничеству исследователей различных специальностей и профессиональной принадлежности из многих городов России и ближнего зарубежья. Опубликованные работы принадлежат перу сотрудников высших учеб-

ных заведений и научно-исследовательских центров, отраслевых и региональных музеев, инженеров, искусствоведов, краеведов, наконец, просто знатоков и любителей истории материальной культуры.

Тематическая новизна ежегодника и многоплановость авторского коллектива далеко не исчерпывают достоинств рецензируемого сборника. Отличительной чертой подавляющего большинства статей является глубокая, можно сказать, скрупулезная исследовательская проработка проблем. Многие авторы вводят в научный оборот забытые или вовсе неизвестные имена и факты, публикуют оригинальные архивные данные, ранее недоступные широкому читателю тексты, уникальные иллюстративные и библиографические материалы. В этом плане можно говорить о прикладном источниковедческом значении для историков науки и техники помещенных в ежегоднике работ и важных просветительских функциях сборника для инженерно-технических работников, студентов и школьников.

Опубликованные статьи в их совокупности заключают в себе интересную возможность дуалистического видения исторической реальности: с одной стороны, история — это хроника, летописный свод фактов и их исследовательское изложение, с другой — осмысление прошлого, систематизированное повествование об историческом развитии того или иного объекта с раскрытием комплекса закономерностей и причинно-следственных связей.

Особо следует отметить работу А. И. Сидорова «Логико-богословский трактат в „Путеводителе“ Анастасия Синаита». Автор рассказывает о творениях одного из отцов Церкви и подробно исследует его главный богословский труд «Путеводитель». Большая часть статьи отведена приложению, содержащему обширные выдержки из второй главы сочинения. Ценность публикации заключается прежде всего во введении в научный оборот уникального трактата (хотя, к сожалению, не в полном объеме), позволяющего уяснить сущность христианского миропонимания, выработанного синайским монахом и замечательным сочинителем. Автор рассказывает также об основных вехах жезненного пути Анастасия Синаита, его духовных испытаниях и религиозных обретенных. Синтез авторского и исследуемого текстов, думается, явился наиболее плодотворным методом для раскрытия избранной автором темы. Такой метод соответствует сложившейся традиции, присущей исследованиям, публикуемым в разделе «Письменные памятники».

За последние годы в рамках рассматриваемой рубрики был издан ряд глубоких исследований научно-технической, историко-культурной и философско-религиозной направленности. И здесь необходимо указать на тот большой вклад, который внес в разработку данного памятниковедческого направления бессменный ответственный редактор ежегодника, кандидат философских наук Н. К. Гаврюшин.

Изложенное выше позволяет констатировать, что ежегодник состоялся и достоянием российской научной общественности стало оригинальное и глубокое издание. Вместе с тем хотелось бы высказать и пожелание создателям серии. На страницах ежегодника пока что не

нашла отражения проблематика так называемых «белых пятен» отечественной истории. Речь идет и о наследии русских ученых и инженеров, по различным причинам оказавшихся за границей, и о таком сложном и трагическом явлении нашего недавнего прошлого, как «репрессированная советская наука», и, наконец, о многочисленных материальных и духовных памятниках, созданных в системе ГУЛАГа.

Успешный многолетний опыт издания ежегодника позволяет говорить как о неисчерпаемости его тематики, обеспечивающей неугасающий интерес читателей, так и о разнообразии путей дальнейшего совершенствования и развития серии, ее перспективности и немалых потенциальных возможностях.

О. Д. Симоненко

Коротко о книгах

Н. Н. Курицина, Н. И. Лосич, Е. Н. Шошков. Российское общество радиотехников / Под ред. и с предисл. Ю. В. Гуляева. СПб.: НТОРЭС им. А. С. Попова, 1993. — 58 с.

В преддверии столетия изобретения радио, которое будет отмечаться в мае 1995 г., весьма уместен выход в свет справочного издания о пионерах радиотехники в России. Речь идет о небольшом биографическом словаре, куда вошли персоналии членов-учредителей, а также почетных членов Российского общества радиотехников (РОРИ) — предшественника нынешнего Научно-технического общества радиотехники, электроники и связи им. А. С. Попова. Сам факт учреждения РОРИ в марте 1918 г. именно в Петрограде как нельзя лучше говорит о том, что событие это произошло не где-нибудь, а, так сказать, на родной для этой отрасли техники почве.

Авторы сетуют, что «несмотря на предпринятые усилия, в том числе обращения через прессу, до сих пор не удалось восстановить полные биографии ряда членов-учредителей» (с. 10). Оно и понятно, так как основной архив РОРИ по неизвестным причинам был уничтожен в довоенные годы. Тем не менее проделана кропотливая работа по разысканию и анализу нужных материалов. Воспроизведенные в книге фотографии учредителей получены в основном от членов их семей. Рецензируемый труд петербургских авторов можно считать и своеобразным поминальником: из 34 членов-учредителей РОРИ в 1936—1937 гг. девять человек были репрессированы и погибли; к 1934 г. по разным причинам ушли из жизни шесть человек, а еще пятерых преждевременная смерть постигла в 1937—1940 гг.; двоих унесла война.

Учредители РОРИ были высококвалифицированными специалистами, внесшими своими экспериментальными исследованиями и печатными трудами основополагающий вклад в становление и развитие радиосвязи и радиопромышленности в России. Большинство из них в свое время занимали командные должности в радиотехнических подразделениях русской армии и

военно-морского флота, поскольку беспроволочное телеграфирование начало использоваться прежде всего для нужд военного ведомства страны.

В редакторском предисловии академика Ю. В. Гуляева воздается должное организаторской и просветительской работе РОРИ и отпочковавшемуся от него в 1928 г. «Русскому обществу радиотехников в Ленинграде». Сказанное иллюстрируется приведенными в книге хронологиями деятельности РОРИ и ленинградского общества радиотехников с момента их создания и до 1933 г., когда они не по своей воле прекратили свое существование. Подчеркивается, что в «1918—1921 гг. формируются три научно-технические школы в области радиотехники: ленинградская (существовала в 1921—1928 гг.), возглавляемая И. Г. Фрейманом, московская (1918—1940) во главе с М. В. Шулейкиным и нижегородская (1920—1927), руководимая М. А. Бонч-Бруевичем. Занимая руководящие должности в быстро развивающейся радиотехнической науке и промышленности, члены-учредители в основном определяли техническую политику в данной области» (с. 7), что не обходилось без споров и творческих дискуссий.

Нет смысла пересказывать содержание приведенных в словаре достаточно полных персоналий наших выдающихся радиотехников. Можно лишь упрекнуть составителей в отсутствии библиографии. А ведь, скажем, в серии «Научно-биографическая литература» РАН изданы жизнеописания М. А. Бонч-Бруевича, В. К. Лебединского, М. В. Шулейкина; в периодике опубликованы биографии И. Г. Фреймана, П. А. Острякова и др. Тем не менее, несмотря на это, рецензируемое издание представляет несомненный интерес для историков науки и техники.

Г. К. Церава (Бокситогорск)